

Ницше Фридрих

Антихрист

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф88

Ф88 **Фридрих Н.**
Антихрист / Ницше Фридрих – М.: Книга по Требованию, 2022. – 157 с.

ISBN 978-5-519-99908-3

ISBN 978-5-519-99908-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Посмотримъ другъ другу въ лицо. Мы— гипербореи, —мы довольно хорошо знаемъ, насколько въ сторонѣ мы живемъ. „Ни сухимъ путемъ, ни водою не найдешь ты дороги къ гипербореямъ“: это зналъ о насъ уже Пиндаръ. По ту сторону сѣвера, льда, смерти—наша жизнь, наше счастье... Мы открыли счастье, мы знаемъ путь, мы нашли выходъ изъ цѣлыхъ тысячелѣтій лабиринта. Кто нашелъ его, если не мы? — Уже не современный ли человѣкъ? — „Я не знаю, какъ мнѣ выпутаться; я—все, что не знаетъ, какъ ему выпутаться“—вздыхаетъ современный человѣкъ... Мы были больны этой современностью,—лѣнивымъ миромъ, трусливымъ компромиссомъ, всей добродѣтельной нечистоплотностью современнаго Да и Нѣтъ. Эта терпимость и *largeur* сердца, которая все „прощаетъ“, потому что она все „понимаетъ“,—сирокко для насъ. Лучше жить во льдахъ, чѣмъ среди современныхъ добродѣтелей и другихъ южныхъ вѣтровъ!.. Мы были достаточно храбры, мы не щадили ни себя, ни другихъ: но мы долго не знали, куда направиться съ нашей храбростью. Мы стали мрачны, насъ называли фаталистами. Нашъ

фатумъ—это была полнота, напряженіе, запруженіе силъ. Мы жаждали молній и дѣлъ, мы оставались дальше всего отъ счастья слабыхъ, отъ „покорности“... Гроза была въ нашемъ воздухѣ, природа, являемая нами, омрачилась — ибо у насъ не было пути. Формула нашего счастья: Да, Нѣтъ, прямая линія, цѣль... }

2.

А

Что хорошо?—Все, что усиливаетъ чувство власти, волю къ власти, саму власть въ чело-вѣкѣ.

Что дурно?—Все, что вытекаетъ изъ сла-бости.

Что такое счастье?—Чувство того, что власть растетъ, — что сопротивленіе будетъ побѣ-ждено.

Не довольство, а больше власти; не миръ во-обще, а война; не добродѣтель, а доблесть (добродѣтель въ стилѣ ренессанса, *virtù*, свобод-ная отъ моралина добродѣтель).

Слабые и неудавшіеся должны погибнуть: первое положеніе нашего чело-вѣколюбія. И надо еще помочь имъ въ этомъ.

Что вредоноснѣе какого бы то ни было по-рока? — Дѣятельное состраданіе ко всѣмъ не удавшимся и слабымъ:—христіанство...

3.

Не вопросъ: что должно смѣнить человѣчество въ ряду существъ, является проблемой, которую я этимъ устанавливаю (—человѣкъ есть конецъ—), а вопросъ: какой типъ человѣка должно расплосать, должно желать, какъ болѣе цѣнный, болѣе достойный жизни, имѣющій болѣе прочную будущность.

Этотъ болѣе цѣнный типъ уже довольно часто существовалъ: но какъ счастливый случай, какъ исключеніе, никогда какъ желанный. Напротивъ, именно его болѣе всего боялись, онъ былъ до сихъ поръ почти нѣчто страшное;—и изъ боязни являлся желаннымъ обратный типъ, его расплосали, его достигали: домашнее животное, стадное животное, больное животное человѣкъ,—христіанинъ...

4.

Человѣчество не представляет собою развитія къ лучшему или сильнѣйшему, или высшему, въ томъ смыслѣ, какъ этому вѣрятъ нынѣ. „Прогрессъ“—только современная идея, т. е. ложная идея. Нынѣшній европеецъ остается по своей цѣнности гораздо ниже европейца ренессанса; дальнѣйшее развитіе отнюдь не является съ какою бы то ни было необходимостью возвышеніемъ, поднятіемъ на высшую ступень, усиленіемъ.

Въ иномъ смыслѣ имѣетъ мѣсто постоянная удача отдѣльныхъ случаевъ въ самыхъ различныхъ мѣстахъ земного шара и въ самыхъ различныхъ культурахъ, и они дѣйствительно представляют собою высшій типъ: нѣчто, являющееся по отношенію ко всему человѣчеству чѣмъ-то вродѣ сверхчеловѣка. Такіе счастливые случаи великой удачи были всегда возможны и, быть можетъ, будутъ всегда возможны. И даже цѣлые роды, племена, народы могутъ, смотря по обстоятельствамъ, представлять собою такое счастливое явленіе.

Не слѣдуетъ украшать и прихорашивать христіанства: оно объявило безпощадную войну этому высшему типу, оно предало анаѳемѣ всѣ основные инстинкты этого типа, оно выди-
стиллировало изъ этихъ инстинктовъ зло, злого чело-
вѣка:—сильный чело-вѣкъ, какъ типично не-
годный, „отверженный чело-вѣкъ“. Христіанство
приняло сторону всего слабаго, низкаго, неудач-
наго, оно слѣлало идеалъ изъ противорѣчія
инстинктамъ самосохраненія сильной жизни; оно
испортило разумъ даже сильнѣйшихъ духомъ
натуръ, уча ихъ смотрѣть на высшія достоин-
ства геніальности, какъ на грѣховныя, сбиваю-
щія съ пути, какъ на искушенія. Самый пла-
чевый примѣръ: испорченность Паскаля, кото-
рый вѣрилъ въ растлѣніе своего разума наслѣд-
ственнымъ грѣхомъ, тогда какъ онъ былъ испор-
ченъ только его христіанствомъ!—

6.

Печальное, ужасающее зрѣлище открылось предо мною: я отдернулъ завѣсу, обнаживъ испорченность человѣка. Это слово, въ моихъ устахъ, защищено по крайней мѣрѣ отъ одного подозрѣнія: что оно содержитъ въ себѣ моральное обвиненіе человѣка. Оно—подчеркиваю это еще разъ—имѣетъ смыслъ свободный отъ морали: и до такой степени, что эта испорченность сильнѣе всего ощущалась мною именно тамъ, гдѣ до сихъ поръ сознательнѣе всего стремились къ „добродѣтели“, къ „божественности“. Я понимаю испорченность, какъ уже можно угадать, въ смыслѣ декаданса: я утверждаю, что всѣ цѣнности, въ которыхъ человѣчество резюмируетъ нынѣ свои высшія желанія, суть цѣнности декаданса.

➤ Я называю животное, родъ, индивида испорченнымъ, если онъ теряетъ свои инстинкты, если онъ выбираетъ, если онъ предпочитаетъ то, что ему вредно. Исторія „высшихъ чувствъ“, „идеаловъ человѣчества“—и возможно, что я долженъ ее разсказать—была бы также почти объясненіемъ того, почему такъ испорченъ человѣкъ. Сама жизнь является въ моихъ глазахъ

инстинктомъ роста, продолженія, накопленія силъ, инстинктомъ власти: гдѣ отсутствуетъ воля къ власти, тамъ имѣетъ мѣсто упадокъ. Я утверждаю, что во всѣхъ высшихъ цѣнностяхъ челоуѣчества эта воля отсутствуетъ, — что подъ священнѣйшими именами господствуютъ цѣнности упадка, нигилистическія цѣнности.

7.

Христіанство называютъ религіей со страда-
нія.—Состраданіе является контрастомъ тони-
ческимъ аффектамъ, возвышающимъ энергію
жизненнаго чувства: оно дѣйствуетъ депрес-
сивно. {Теряешь силу, когда сострадаешь. Со-
страданіе еще болѣе увеличиваетъ и усугу-
бляетъ потерю силы, которая уже сама по себѣ
приноситъ жизни страданіе.} Само страданіе
становится благодаря состраданію заразитель-
нымъ; смотря по обстоятельствамъ, съ его
помощью можетъ быть достигнута полная по-
теря жизни и жизненной энергіи, стоящая въ
абсурдномъ отношеніи къ количеству при-
чины (—случай смерти Назарянина). Это первая
точка зрѣнія; однако, есть и еще болѣе важная.
Если измѣрять состраданіе по цѣнности обы-
кновенно производимыхъ имъ реакцій, то его
враждебный жизни характеръ явится въ еще
болѣе яркомъ свѣтѣ. Состраданіе пресѣкаетъ
вообще законъ развитія, который является за-
кономъ подбора. Оно поддерживааетъ то, что
созрѣло для гибели, оно защищаетъ обойден-
ныхъ и осужденныхъ жизнью, оно даетъ, бла-
годаря множеству неудачныхъ всѣхъ видовъ,
удерживаемыхъ имъ въ жизни, самой жизни

мрачный и опасный видъ. Имѣли смѣлость называть состраданіе добродѣтелью (—въ каждой аристократической морали оно считается слабостью—); пошли далѣе, изъ него сдѣлали добродѣтель вообще, основу и источникъ всѣхъ добродѣтелей,—конечно, что всегда надо имѣть въ виду, лишь съ точки зрѣнія философіи, которая была нигилистической, которая начертала на своемъ щитѣ отрицаніе жизни. Шопенгауэръ былъ правъ въ этомъ: состраданіемъ жизнь отрицается, дѣлается болѣе достойной отрицанія,—состраданіе есть практика нигилизма. Повторяю: этотъ депрессивный и заразительный инстинктъ пресѣкаетъ инстинкты, направленные на поддержаніе и возвышеніе цѣнности жизни: являясь, какъ множителемъ злополучія, такъ и сберегателемъ всего злополучнаго, онъ есть главное орудіе для усиленія декаданса, — состраданіе проповѣдуетъ Ничто!.. Не говорятъ „Ничто“: говорятъ вмѣсто этого „тотъ міръ“; или „Богъ“; или „истинная жизнь“; или нирвана, спасеніе, блаженство... Эта невинная реторика изъ области религіозно-моральной идіосинкразіи является тотчасъ же гораздо менѣе невинной, какъ только поймешь, какая тенденція кутается тутъ въ плащъ высокихъ словъ: враждебная жизни тенденція. Шопенгауэръ относился враждебно къ жизни: поэтому состраданіе было для него добродѣтелью... Аристотель, какъ извѣстно, видѣлъ въ состраданіи болѣзненное и опасное состояніе, которому по-